

Татьяна ЩЕРБИНА

2024

Моль

Примерно так, как вы боролись с деспотами и тиранами,
диктаторами и фюрерами,
я боролась с молью. И ее личинками.
Овеивала их запахом лаванды,
от которого они должны были бежать быстрее лани,
но нет, продолжали сидеть и грызть мой кашемировый джемпер.
Я засунула его в морозилку, но моль выжила и там.
Тогда я перешла к тяжелой артиллерии – нафталину.
Пропитанные нафталином теплые, пахнувшие домом кофточки
стали ядовиты, и никак их было не проветрить.
Зато целы, – думала я.
Ну вот как люди, которых не жрет деспот – целы.
Потому что обороняются облаком нафталина,
который запускают в пространство как дымовую шашку.
Когда-то так же непобедимы были тараканы,
Но однажды они ушли,
и язык решил, что они спрятались в головах.
Я вся в дырочках, будто от пуль,
но это были не молнии выстрелов,
а долгая трапеза моли.

Больше всего мне хочется,
чтоб меня укутывали,
гладили по головке
и сами мыли бы посуду.
Я бы ластилась к ним, мурлыча,
а они говорили бы, что я
их единственное утешение,
но у них вместо котика телевизор,

Татьяна Щербина родилась в Москве, окончила филологический факультет МГУ, до 1986 года публиковала в самиздате стихи и прозу, первая книга стихов издана в 1991 г. Писала стихи также на французском языке: книги французских стихов опубликованы в Париже и в Канаде. Переводила современных французских поэтов, составила авторскую антологию «Современная французская поэзия» (1995). Автор десяти поэтических книг, изданных в России; книги с её стихами переведены и изданы во Франции, Канаде, Великобритании, США, Новой Зеландии, Словении, Греции. Также изданы четыре книги эссеистики и пять книг прозы, одна из которых выходила в переводах на английский и болгарский. Живет в Москве.

а я стою и мою посуду,
когда настает тишина.

Жизнь перестала быть живой,
и на искусственном дыхании
проводит странный отпуск своей
рукой в бою, ногой в скитании,
и только разум в тупике,
куда ни повернет – тень Кирова,
и вход, и выход на замке,
закрывается небо, заблокирован
канал, в котором жизнь течет,
он Летой стал, как призрак оперы,
и значит, телу незачет,
не справилось, пошло в квадроберы.

Тату наколот, под кога,
защитным слоем, отвлекающим
от знания, что ни черта
не может, не найдет пристанища,
весь разделившийся на до
и после, там и здесь, ум рекрутом
все мысленное айкидо
несет в себе, а больше некуда.

Это когтеточка.
Нет, это точка...
Это радиоточка.
Нет, это точка...
Это фор-точка.
Нет, это точка...
А за ней лас-точка.
Нет, это точка...
Это лишь сон угоревшего брата,
бледный огонь в душе Герострата.
Нет, это точечка...
невозврата.

Жара смягчится и холод смилостивится,
зацветет и погаснет сад,
а у нас распутица и развилица,

за шаг вперед берут два назад.
В песне островом невезения
называли такой покос,
в гарнизонный газон растения
подрезающий, в коматоз.
В нем и жизнь осторожно теплится
и надеется в рост войти,
как бывало – когда истреплется
сердце дьявола во плоти.

Статус кво

Статус кво, он же кактус сво,
все в наколках, и есть в кого.
Кактус, кактус, колокола
отзвонили свое, игла
всех закалывает со зла.
Зло колючее, зло как кол,
встанет колом, и мордой в пол.
Все как цели поражены,
злом проколоты, прожжены,
обкололся об кактус рот,
раскололись семья и род.
Род приколов угас как вид,
горе скалится и кровит.
Уши души настороже:
что еще или где уже,
и не выплюнуть статус кво,
и не высмотреть, кто кого.

Турбулентность

Земля пролетает зону турбулентности,
медленно, поскольку большая,
и тряске не видно конца.
Кого-то тошнит, а кто-то трясется в такт,
в пляске святого Витта.
Пассажиры стонут, что им жарко,
а может, и холодно, они сами не понимают,
их трясет как в ознобе.
Некоторые думают, что бегут,
поскольку чутка задыхаются,
заполошные заговариваются,
осторожные мрачно молчат,
чтоб их не замочили в сортире.
Молодые гибнут в боях без правил,
старые правят своими отсеками.
Отсеков четыре, кварталы земного шара,

четыре пилота – четыре ветра:
Борей, Нот, Эвр и Зефир.
Северный хочет дуть сильнее, чем западный,
включает турбины и пылесосы,
западный плюется зефирными сгустками,
восточный утяжеляет воздух ароматическими маслами,
южный вертит в руках раскаленную кочергу,
от всего этого турбулентность –
такая, что непонятно, куда летим.

Грустный устный, точнее мысленный,
хочет стать грустным письменным,
но на язык попадает подгнивший сор
из избы, где выстрелил тертый калач террор,
не большой, а средний, как средние ныне те,
от кого зависит. Сносит мой дом к Орде.
Не распознать иероглифы, слов набор
вводит в должность либо в тюремный двор.
И плодились дела, и вершились слова,
редиска не уродилась, одна ботва
вместо съедобных шариков,
завели собачку, а вырос Шариков.
Бесконечно длится и злится зло,
остается выдохнуть: «повезло».